

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 343.255.6(571.54/55)
ББК 63.3(2)253(361)

Александр Александрович Иванов,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1)
e-mail: ottisk@irmail.ru

«...Слышен звон кандалный»

Настоящая статья посвящена изучению становления и развития системы этапирования (препровождения) уголовных ссыльных в Сибирь, в том числе и в Забайкалье, в XVII–XIX веках. Несмотря на стойкий научный интерес специалистов к развитию пенитенциарной науки и практики России вообще, этапирование осуждённых как научная проблема самостоятельно не изучалась. Исходя из этого, автор на основе опубликованных разрозненных исторических сюжетов и обнаруженных в архивах материалов поставил цель создать логически законченную историю организации этапирования ссыльных по Московскому тракту из центра страны через Тобольский приказ, Томск, Енисейск, Иркутск, Нерчинск. В статье показано, что система этапирования ссыльных в Сибирь складывалась постепенно, по мере увеличения масштабов наказания ссылкой.

Первоначально арестантов отправляли в сибирский регион нерегулярно, по мере необходимости. В качестве охраны ссыльных выступали стрельцы Разбойного и Сибирского приказов, при этом снабжения продовольствием и одеждой этапирруемых не было. В начале XIX в. в связи с глубоким реформированием системы управления краем принимаются указы о ссыльных и этапах, которые означали начало осуществления комплекса мер по созданию законченной системы сопровождения арестантов. В сибирских губерниях создавались экспедиции о ссыльных, строились этапные тюрьмы, решался вопрос с централизованным снабжением продовольствием и одеждой. Ссыльные следовали к месту назначения в составе этапных партий, их сопровождение поручалось специальным конвойным командам. Система этапирования требовала своего постоянного совершенства и видоизменения. Вместе с тем государственная власть и администрация на местах не предпринимали реальных мер к постепенному реформированию практики применения уголовной ссылки и этапирования в том числе, что свидетельствовало о кризисе самодержавного государства, неспособности к модернизации производственных и общественных отношений.

Ключевые слова: Устав о ссыльных и этапах, уголовные ссыльные, этапные и полу-этапные тюрьмы, конвойные команды, Сибирь, Забайкальская область.

Alexander Aleksandrovich Ivanov,
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003)
e-mail: ottisk@irmail.ru

“... The Fetter’s Ring” is Audible

The present article is devoted to studying of formation and development of system of criminals transferring, exiled to Siberia, including Transbaikalia, in the XVII-XIX centuries. Despite the strong scientific interest of experts to the development of penitentiary science and practice of Russia in general, prisoners’ transfer as the scientific problem was not independently studied.

Proceeding from it the author, on the basis of the published separate historical plots and the materials found in archives, set the purpose to create logically finished history of the organization of prisoners’ transfer through the Moscow path from the country center through the Tobolsk Order, Tomsk, Yeniseisk, Irkutsk, Nerchinsk. In the article it is shown that the system of prisoners’ transfer was formed gradually, in process of increase in scales of punishment by the link. Originally prisoners were not regularly sent to the Siberian region, as required. Sagitariuses of the Siberian order acted as protection of exiled, thus there was no practice of provisioning and clothes transported under guard. At the beginning of the XIX century in connection with deep reforming of a control system by region, decrees about exiled and stages, which meant the beginning of implementation of a package of measures on creation of the finished system of prisoners’ escort, are accepted. In the Siberian provinces expeditions on exiled were created, landmark prisons were under construction, the issue with the centralized provisioning and clothes was resolved. Exiled followed to the destination as a part of landmark parties, their maintenance was entrusted to special convoy teams.

The system of prisoners’ transfer demanded the constant perfection and modification. At the same time the government and administration on places did not undertake real measures to reforming of practice of application of the criminal link and prisoners’ transfer including that testified the crisis of the autocratic state, inability to modernization of the production and public relations.

Keywords: charter on exiled and stages, criminal exiled, landmark/semi-landmark prisons, convoy teams, Siberia, Transbaikalia area.

История этапирования арестантов к месту отбывания наказания в Сибирь, несмотря на стойкий интерес исследователей к проблемам функционирования царской и советской пенитенциарной системы, изучена фрагментарно. Эта тема рассматривалась или в контексте исследования уголовной и политической ссылки в целом [19], или истории становления конвойной службы Российской империи [1], а также в качестве неизменного сюжета строительства Московского (Сибирского) тракта [13], как главного сухопутного пути в сибирскую ссылку. Специальных работ, посвящённых организации системы доставки арестантов в Сибирь в историографии нет. Отсюда задача настоящей статьи – дополнить сформированные в науке знания имеющимися в нашем распоряжении источниками и материалами историографического характера.

Российское государство на протяжении XVII–XX вв. целенаправленно использовало территорию Сибири для наказания уголов-

ных и политических преступников. Первые партии ссыльных потянулись из центра страны за Уральский камень уже в 1620–1630-х гг. Их путь повторял основные колонизационные потоки, а местом концентрации стал Тобольск. Отсюда ссыльных отправляли в города региона, а также через Енисейск на Лену. Несколько позже, в 1670–1680-х гг., ссыльные появились и в Прибайкалье.

Ссылка этого периода ещё не носила массового характера: в Сибирь, в том числе и в Забайкалье, отправлялись некоторые, наиболее опасные политические противники государства, участники заговоров и дворцовых интриг, а также «радетели за истинную веру». По всей видимости, первым известным политическим ссыльным был здесь протопоп Аввакум. В 1653 г. он за «многое безчинство» был сослан «з женою и з детьми в сибирский город на Лену». В декабре этого года Аввакум был в Тобольске, в конце 1655 г. – в Енисейске, в октябре 1656 г. – в Братском остроге. С большим трудом Аввакум под присмотром

казаков отряда А. Ф. Пашкова переправился через Байкал и всё лето двигался против течения Селенги и Хилка, достигнув осенью 1657 года Иргень-озера, а затем реки Нерчи [11, с. 33–34].

Из южной части Сибири и Приангарья ссылка достаточно быстро перемещалась за Байкал. Уже в 1681 г. в Баргузинский острог были сосланы с жёнами и детьми в пеший казачий строй сыны боярские Юрий Крыженковский и Пётр Ярыжкин, провинившиеся в Охотском и Зашиверском острожках. В 1701 г. в Забайкалье были высланы единомышленники «типографщика Григория Галицкого», напечатавшего «воровские письма», в которых Пётр I назывался антихристом; всего их сослано «семь человек, а с ними пять вдов» казнённых преступников. В 1703 г. могло попасть в Забайкалье небольшое количество астраханских казаков, отправленных за выступления, поднятые «за русскую старину» [17, с. 183].

Несмотря на возрастающее внимание государства к колонизации Сибири ссылкой на людей, порядка в их доставке не было. Об этом можно судить, например, из царского указа от 1 февраля 1701 года нерчинскому воеводе стольнику Бибикову. В статье 10-й указа предписывалось расследовать дело о притеснениях и злоупотреблениях боярского сына Петра Мелешкина, который в 1697 г. повел из Тобольска в Нерчинск семейства беглых верхотурских крестьян в числе 624 душ — из этого числа в 1700 г. пришло за Байкал только 403 человека, остальные или умерли от голода, или разбежались [17, с. 135].

Ссылные в пути страдали не только от голода. Огромные расстояния между центром страны и её сибирской окраиной настоятельно требовали обустройства здесь мест для ночлега и отдыха, приготовления и приёма пищи. Между тем колодники отправлялись за Камень не регулярно и системно, а с оказией или специальными партиями под присмотром стрельцов из Разбойного или Сибирского приказов. Только при Петре Великом была построена, по всей видимости, первая пересыльная тюрьма. О её строительстве известно из наказа верхотурским воеводам от 1 сентября 1697 года: «А для присланных вновь в сибирские города всяких ссылных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую и держать новоприсланных ссылных людей, до отпусков в низовые сибирские города, в той тюрьме с великим береженьем, за сторожью верхотурских служилых людей, а как приспелет время отпуску их

в низовые сибирские города, и их отпускать в те города по московским росписям, кого куда сослать будет указано... по тому же за караулом. А на Верхотурье и в слободах новоприсланных ссылных людей, без указу великого государя и грамот из Сибирского приказа, не оставливать и на всякие чины и пашню не верстать» [13, с. 349].

Массовое движение ссылных по Сибирскому тракту началось с 1760-х гг. 13 декабря 1760 года был принят указ «О приёме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачётом их за рекрут». Помещику предоставлялось право самостоятельно определять состав преступления своего крепостного и наказывать его ссылкой в Сибирь. При этом указ определял и основные принципы организации отправки и передвижения таких ссылных: «...А понеже те принимаемые люди, из каждого места отправляемы быть должны по наступлении лета, водяным путем до Самары; того ради всем тем отдатчикам... людей стараться приводить до наступления летнего времени за месяц или менее, дабы в содержании их при тех городах затруднения быть не могло...» [5, с. 496–498].

Как видим, государство стремилось организовать движение так, чтобы высылаемые из разных губерний собирались в одном месте, а именно в Самаре, здесь дожидались летнего времени и затем отправлялись в далёкий край. Как следует из нормативных документов, местом для ссылных по указу 1760 г. был определён Нерчинский уезд Иркутской губернии. Ссылные должны были следовать через Калугу по Оке и Волге до Казани, от Казани Камою до Нового Усоляя, далее 310 вёрст пешком до Верхотурья, затем по сибирским рекам до Тобольска и через Томск до Иркутска и Нерчинска.

Отправка в Нерчинск первых же партий выявила «узкие места» этапирования, главное из которых заключалось в отсутствии по дороге необходимого количества продовольствия. На трудности пути в Нерчинск указывал прежде всего сибирский губернатор Ф. И. Соймонов, сам бывший ссылный, прошедший всю Сибирь до Охотска и обратно. Как известно, после помилования он возглавлял Нерчинскую экспедицию, одной из задач которой было определение в Забайкалье земли «к хлебопашеству годной».

Именно Ф. И. Соймонов предложил не отправлять крестьян в Нерчинский уезд пока там «хлебопашество еще не размножено»,

а основное их количество селить по Иртышской линии. В конце 1760 г. он писал в Петербург, что при переводе в 1754 г. из Соликамских соляных варниц в Нерчинск 2 151 чел., при переходе незаселёнными болотистыми местами по Кети за семь недель умерло от голода и болезней 517 чел. [15, с. 354–355]. В конечном итоге, сенат по предложению Соймонова решил заселять Забайкалье из ближайших к нему мест, а посылаемых в зачет рекрут крестьян селить «по дороге от Тобольска к Иркутску и до Нерчинска и около него».

С 1761 по 1782 гг. в Сибирь согласно «рекрутским указам» было отправлено не менее 35 тыс. душ мужского пола [15, с. 354–355]. Часть этих ссыльных использовали как для строительства, так и для заселения Московского тракта. По данным Г. Ф. Быкони, в 1763 г. здесь уже насчитывалось более 2 700 ссыльных, занятых на отсыпке пути. К 1782 г. их численность значительно выросла и составила около 6 000 душ обоёго пола. Только на Нижнеудинском участке тракта числилось 1 552 поселщика (888 – мужчин и 664 – женщины), что составляло 54,3 % местных крестьян, мещан и купцов. Первые восемь семей ссыльных, приведенных из Казанской губернии, были приняты в Нижнеудинске 1 июля 1769 г. (29 мужчин и 19 женщин). В это же время в Бирюсинский станец в ведение сына боярского Семёна Кузьмина поступило 17 семей ссыльных, в которых было «26 мужских и 19 женских душ». Далее по дороге к Тулуну в 1770-е гг. населили ещё девять зимовий и станций: Хингунскую, Головоключинскую, Шебантурскую, Уковскую, Замзорскую, Ключинскую, Яловскую, Боровскую и Алзайскую [10, с. 139].

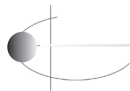
Прибывавшие на место ссыльные за счёт казенных средств строили дома и хозяйственные помещения. Поселенцев освобождали на три года от подушных платежей и повинностей, они получали натуральную ссуду. Ещё в 1766 г. на трёх участках тракта Средней Сибири – Красноярском, Канском и Нижнеудинском – были сооружены хлебные «мангазейны», скупавшие муку у крестьян и затем снабжавшие ею ссыльных. В таких складах-магазинах надлежало иметь от 1000 до 1 500 тыс. четвертей муки. Несмотря на помощь государства, разница в экономическом положении поселщиков, водворённых по Сибирскому тракту и старожилов, была огромной, большая часть ссыльных испытывала постоянную нужду, терпела всяческие лишения [10, с. 150].

В XVII – первой половине XVIII в. Московский тракт проходил так называемым северным путем – через Соликамск, Верхотурье, Туринск, Тюмень Тобольск, Чаусский острог, Томск, Красноярск, Иркутск. В 1763 г. началось строительство тракта южнее: по линии Казань – Пермь – Екатеринбург – Тюмень – Ялуторовск – Ишим – Тюкалинск – Омск. К 1780-м гг. тракт в основном был заселен и устроен, хотя отдельные участки продолжали заселяться и обустраиваться до 1830-х гг. Длина тракта от границ Пермской губернии до Иркутска составляла 3 188 вёрст, от Иркутска до Кяхты – ещё 522,5 версты [14, с. 86].

Каким порядком производилось следование колодников на такие дальние расстояния? В сохранившихся до наших времен указах, грамотах и челобитных определённого ответа на этот вопрос нет. Имеются лишь разрозненные сведения, из которых можно заключить, что ссыльные шли пешком, закованные в ножные тяжёлые кандалы и ручные железы, причём, нередко несколько человек соединялись вместе на железный прут; самые же важные преступники следовали в колодах или железных ошейниках и на цепи, а менее важные – «просто» в кандалах. Со временем у этапиремого ссыльного были уничтожены колоды и ошейники, затем тяжёлые кандалы заменены облегчёнными, причём женщины совсем избавлены от ножных оков [18, с. 72].

Шёл XIX в., а сибирская ссылка по-прежнему по существу не знала организации: общего «счёта» колодникам не велось, ссыльные, отправленные в места водворения, довольствовались в пути милостыней, на ночлег просились к крестьянам притрактовых сёл, а местное начальство нередко задерживало их в своих корыстных целях, используя даровую рабочую силу, где и сколько угодно. Отсутствие порядка в ссыльном деле вело к массовым побегам и как следствие – к появлению огромного количества бродяг. Бродяжничество, преступность беглых – вот что становилось главным результатом ссылки, что хорошо иллюстрируют подсчеты Е. Н. Анучина: из 159 755 ссыльных, проследовавших через Тобольский приказ по Сибирскому тракту за 1827–1846 гг., 48 566 были бродягами и 18 326 – беглыми ссыльными, пойманными и вторично отправленными в Сибирь, что в сумме составляло 42 % всех сибирских ссыльных [9, с. 17–23].

Упорядочение Сибирской ссылки было предпринято в 1820-х гг. и связано с именем М. М. Сперанского. Получив назначение на пост генерал-губернатора Сибири,

Сперанский совместно с будущим декабристом Г. С. Батеньковым разработал «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в сибирских губерниях», в которых постарался учесть и разрешить большинство накопившихся в «ссылном деле» проблем. Прежде всего, были определены общие принципы, полномочия и порядок работы органов управления ссылкой. Согласно законодательным актам для приема, распределения и учёта ссыльных создавался Тобольский приказ, а на местах – ряд экспедиций о ссыльных: казанская, томская, енисейская и иркутская. С Уставом впервые у ссыльного появились документы – статейный список с указанием имени и фамилии, места рождения и наименованием преступления, за которое он осуждён. К месту наказания такой ссыльный следовал теперь в составе этапной партии в сопровождении конвойной команды под руководством офицера, имевшего также учётные документы на арестантов.

Устав об этапах детальнейшим образом расписывал действия конвойных команд, а также обязанности самих ссыльных. Пропитируем, например, два параграфа главы третьей «Движение партий»: «§ 41. Движение каждой партии, приемля начало в назначенный по расписанию недельный день на границе Тобольской губернии с Пермскою и в городах Тобольске, Томске и Красноярске по всему пути продолжается с точностью по назначению, так что на каждую станцию вступает партия один раз в неделю и в известный притом день.

§ 42. Каждая команда препровождает по одной станции с обеих сторон этапа, таким образом:

В тот самый день, когда партия должна по расписанию вступить на лежащую впереди станцию, выступает на оную этапная команда, и, приняв ввечеру ссыльных, ночует.

На другой день препровождает принятую партию до этапа.

В 3-й день имеет тут растах.

В 4-й препровождает партию далее на следующую станцию и сдает там оную команду, с соседственного этапа пришедшей.

На 5-й возвращается на этап» [7, с. 234].

Этапы – это несколько деревянных построек, непременно окружённых высокими заборами – палями. В них имелись отдельные помещения для конвойного офицера, конвоя, большие камеры для арестантов-мужчин и поменьше – для женщин и семей. Камеры разделялись коридором, в конце которого была кухня, имелась печь с котлом для кипятка. На окнах крепкие решетки, ка-

меры на ночь запирались, и выставлялся караул. На первый взгляд, эти «придорожные тюрьмы» были сделаны добротнo, на самом деле, в них было всегда холодно и сыро. Картину усиливало огромное количество паразитов, от которых не было спасения, а также полная антисанитария отхожих мест. В таких условиях, проходя с этапом от центральных губерний страны до Нерчинска, ссыльным и их семьям приходилось существовать по нескольку месяцев и даже лет.

Во второй половине XIX в. в деле этапирования установился относительный порядок. Партии арестантов отправлялись из Москвы в конце апреля по Московско-Нижегородской железной дороге специальным поездом. От Нижнего Новгорода до Перми три раза в две недели ссыльных сплавляли на баржах. Из Перми в Екатеринбург отправление арестантов производилось два раза в неделю. При отправке из Екатеринбурга до Тюмени партии дробились и становились числом не более 100–150 чел. Из Томска в Ачинск и далее по Восточной Сибири арестанты следовали пешеэтакным ходом круглый год, выступая из Томска еженедельно.

При таком порядке кормовые деньги на довольствие партий в пути от Москвы до Перми выдавались московским губернским правлением конвойному офицеру московской конвойной команды по числу арестантов при особой кормовой тетради с указанием, кому именно предназначались суммы в размере 10 или 15 к. (для привилегированных) в сутки. Во время весенней распутицы движение по тракту приостанавливалось, но не более как на 2 недели, если это признавалось необходимым.

Движение партий расписывалось заранее и утверждалось на самом высоком уровне. Например, в 1882 г. планировалось отправить из Москвы 11 933 пересыльных арестанта. Отсюда они отправлялись по три раза в две недели, а именно: первая партия – 23 апреля экстренным поездом в составе 140 чел., пересылаемых до Казани; вторая – 27 апреля в составе 217 чел.; третья – 4 мая в составе 250 чел. В таком же порядке продолжалось движение следующих 29 партий. Как правило, в первые партии назначались зимовавшие в Москве, а затем отправлялись прибывшие в город в течение летнего периода и в таком количестве, какое каждый раз признавалось нужным инспектором Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта,

как полным распорядителем движения арестантских партий между Москвой и Тюменью¹.

Между Нижним Новгородом и Пермью также совершалось 32 рейса. Порядок устанавливался следующий: первый рейс – большая баржа «Томск», второй рейс – средняя баржа «Тобольск», третий – малая «Тюмень» и т. д., продолжаясь во всю навигацию. Из Перми в Екатеринбург отправление арестантов производилось два раза в неделю по вторникам и пятницам. При следовании из Екатеринбурга до Тюмени партии дробились и становились не более 100–150 чел., здесь отправка была ежедневной, а именно – с 6 мая по 26 июня на 19 подводах по 114 чел.; с 27 июня по 4 сентября на 18 подводах по 108 чел.; с 5 по 29 сентября по 60 чел. Таким образом, планировалось, что в 1882 году через Екатеринбург проследует 15 408 арестантов, через Тюмень – 17 800, через Томск – около 11 300, Ачинск – 9 300.

На территории Иркутской губернии в 1877 г., например, действовало 28 этапов и полуэтапов. Каждую этапную команду возглавлял обер-офицер, имелись унтер-офицеры, ефрейторы и рядовые – всего 686 служащих, в том числе 3 фельдшера. Конвойная команда препровождала партию до соседнего этапа, где сдавала арестантов начальнику во время дневки, принимая от него ссыльных, пересылаемых в обратном направлении. В 1881 г. этапных зданий в губернии было уже 29, из которых на Московском тракте – 26, Амурском – 2 и Кругоангарском – 1².

Подобным же образом устраивался этапный путь и по территории Забайкальской области. Путь арестантов здесь от берега Байкала до Верхнеудинска состоял из 8 этапов и полуэтапов: Мишихинского, Мысовского, Боярского, Большереченского, Кабанского, Таракановского, Ильинского, Уточинского. От Верхнеудинска путь тянулся дальше до Нерчинского. Это ещё 25 этапов и полуэтапов. После Нерчинска за Ключевской дорога раздваивалась: северная шла через Сретенск, Шилкинский до Усть-Карийского – 8 этапов; и южная – через Кавыкучи-Ундинский – Больше-Зерентуйский – ещё девять [5, с. 52].

При такой системе Иркутск становился своеобразной перевалочной базой этапного пути по Восточной Сибири. Здесь имела экспедиция о ссыльных, а сам «ссылный путь» раздваивался – часть арестантов отправлялась за Байкал, на Нерчинские казенные заводы и рудники, другие готовились

к переходу на север губернии и в Якутскую область.

Прибывших с Московского тракта, как правило, размещали под Иркутском – в Александровской центральной каторжной тюрьме, имевшей и свой постоянный контингент заключённых, или в центральной пересыльной, расположенной рядом, в этом же селе. Здесь формировались партии в несколько десятков, а то и сотен человек, которые в сопровождении конвоя отправлялись к месту отбывания наказания. Если арестанты попадали в централ поздней зимой, то обычно ждали до лета и только в июне, после весенней распутицы, двигались дальше. До 1886 г. партии на Якутск отправлялись пешим порядком, причем телеги для ссыльных предоставлялись крестьянами притрактных сел, выполнявшими подводную повинность. Позже было открыто движение по Лене – этап добирался своим ходом до Качуга, оттуда вниз по реке на своеобразных арестантских баржах – «паузках».

Нешуточной проблемой для местных властей всегда было содержание этапных зданий. На их ремонт и поддержание рабочего состояния не было денежных средств, а тех, что выделяло Министерство внутренних дел, катастрофически не хватало. Так, в справке Главного Управления Восточной Сибири за 1872 год отмечалось, что «...между Верхнеудинском и Читой ... этапные и полуэтапные здания построены около 35–40 лет назад ... В Посольске, Кабанске и Ильинске помещения совершенно ветхие и к исправлению негодны. При этом на постройку этапов и полуэтапов составлены были строительные сметы в 37 003 р. 77 к. Однако Высочайше утверждённым мнением, эти суммы были исключены и признано необходимым довольствоваться «ремонтными починами».

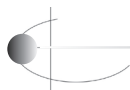
Здесь же отмечалось, что в 1872 г. «...из Посольска до Верхнеудинска вообще не существовало казенных этапов и полуэтапов, а только общественные избы, ветхие и тесные», так, что в них помещалось с трудом человек 60 арестантов. Некоторые из них не отапливались «по негодности печей, почему арестанты в зимнее время размещаются по обывательским квартирам, а летом – на дворе»³.

Устав о ссыльных в редакции 1845 г. строго регламентировал продвижение ссыльных по территории Сибири – от Перми до Иркутска. По Забайкалью же до Нерчинских заводов, согласно ст. 341 прим. 1, ссыльные

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. О. Д. 353. Л. 43.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. О. Д. 353. Л. 46–48, 62 об. 63.

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 442 б. Л. 237–239.

следовали на основании особого «Высочайше утвержденного расписания об этапах по сему пути». Расписание предусматривало, что: «1) Партия отправляется в сей путь одна после другой, не ранее как через двадцать пять дней, причём должно стараться препровождать с мая до последних чисел сентября шесть партий, а зимой с января до апреля четыре или пять. 2) Из Верхнеудинска не отправлять более шестидесяти человек в партии. 3) Для перевоза ссыльных через Байкал предоставляется генерал-губернатору Восточной Сибири нанимать суда у частных людей и утверждать заключаемые с ними контракты от одного до трёх лет, на счёт государственного казначейства» [6, с. 52].

Ссыльные, прибывшие в Иркутскую губернию после навигации, содержались до весны также и в Иркутском тюремном замке. Зачастую пересылаемые арестанты составляли большую часть заключённых этой тюрьмы. Хроническая переполненность, скученность арестантов, недостаток в одежде и обуви – всё это, безусловно, отрицательно сказывалось на здоровье людей. К месту поселения в Забайкальской области многие из них приходили ослабленными, нуждающимися в лечении.

Через Байкал ссыльных и каторжан переправляли в летнее время на баржах, зимой – по льду. На середине озера был выстроен специальный этап, где устраивался короткий «роздых».

Этапирование арестантов по Сибирскому тракту было весьма затратным. Так, по данным В. Ф. Юферова, в 1869 г. доставка каждого из 14 469 ссыльных в Сибирь обошлась государству в 142 р., или стоила в сумме 2 054 598 р. [8, с. 13]. С годами затраты только увеличивались. По подсчетам Г. Фельдштейна, в конце XIX в. пересылка одного ссыльного до места поселения стоила правительству 125 р. Но если сюда приплюсовать затраты на содержание пересыльных тюрем и стражи, а также учесть повинности сибирского крестьянина (подводную и по препровождению ссыльных внутри волости), то получалось уже 300 р. [21, с. 180]. Если принять во внимание, что весь бюджет ГТУ страны составлял в 1898 г. 13,5 млн р. [20, с. 37], а в Сибирь было отправлено как минимум 10 000 чел., то получается, что затраты только на этапирование забирали не менее 22 % бюджета всего управления.

Этап был тяжёлым испытанием для любого ссыльного. Но вот арестант прибывал в составе этапной партии в областной или

губернский город, затем его в сопровождении конвойной стражи отправляли в уезд в ведение уездных или окружных полицейских управлений, далее в окружении полицейских стражников на крестьянской подводе его доставляли в волостной центр, а оттуда, получив назначение в конкретную деревню, ссыльный следовал так называемым «сельским движением», к месту своего причисления. На этой, конечной, стадии своего этапного похода, ссыльного конвоировали лишь десятские или выборные от крестьянского мира. Дальнейшая судьба такого ссыльного практически полностью зависела от его настроения: он мог дойти до деревни и попытаться приписаться к «обществу», а мог просто свернуть с дороги в тайгу, нисколько не страшась сопровождавших его безоружных крестьян, которые и сами не хотели доставлять своему «миру» такую тяжёлую обузу.

Несмотря на общее, весьма значительное количество ссыльных, ежегодно поступавших в Сибирские губернии, на территории Забайкальской области их оседало сравнительно немного. Из отчёта Забайкальского статистического комитета следует, что в 1877 г., например, здесь было 3 452 каторжника и 10 135 поселенцев, а всего 13 587 чел., что к населению области в 470 700 чел. обоёго пола составляло лишь 2,9 %¹. В 1897 г. ссыльных стало чуть больше – 14 395, в 1911 г. ещё больше – 14 669² чел., однако, в сравнении, например, с Иркутской губернией (14 % от всего населения), надо признать, что число уголовных ссыльных в Забайкалье всегда было (вопреки расхожим представлениям) в целом незначительным.

Из объяснительной записки к проекту министра юстиции о преобразовании каторги следует, что при распределении каторжных на поселение в Забайкалье областное правление руководствовалось следующими соображениями: способных к земледельческому труду причисляли к селениям старожилов Верхнеудинского, Селенгинского и Читинского уездов, неспособных к сельскому хозяйству селили вблизи городских поселений, а дряхлых ссыльных, за недостатком богаделен, размещали в селениях зажиточных старожилов [2, ст. 1980]. Дальнейшая судьба ссыльных на территории Забайкалья – тема другого исследования.

Открытие в Сибири сквозного железнодорожного движения существенно изменило условия этапирования ссыльных. 12 февраля

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 735. Л. 153.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 1912. Д. 24. Л. 21.

1897 г. последовало высочайшее повеление, в силу которого перевозка арестантов от Тюмени до Томска пароходами с 1898 г. должна была прекратиться, а отправление из России в Сибирь партий ссыльных и каторжан следовало совершать исключительно по Сибирской железной дороге [18, с. 73]. Пешее движение арестантских партий по главному Сибирскому тракту отменялось, все этапы и полуэтапы были закрыты, за исключением Тельминского полуэтапа, служившего для пересылки арестантов от железнодорожной станции Тельма до села Александровского к централу и обратно [3, с. 25].

Арестантские этапы передвигались по железной дороге в строго отведённые дни, по преимуществу, один раз в неделю. В течение 1910–1911 гг. в практику пересылки арестантов был введён новый тип специального вагона на 72 и 48 мест. Внутри вагон делился на несколько помещений. Одно – для арестантов, другое – для конвойной команды. Кроме этого, в конце вагона имелось отделение для котла самостоятельного парового отопления и котла-кипятильника для чая. Отделение для арестантов было забрано мелкой решеткой, позволявшей конвою постоянно наблюдать за перевозимыми. Здесь располагались ввинченные в пол скамьи, для освещения всего помещения имелись небольшие оконца на высоте двух метров размером 20 x 30 см,

армированные железным прутом. Арестанты довольствовались в пути кормовыми деньгами в размере 10 к. в сутки. Кроме того, на станциях в Челябинске, Красноярске, Иркутске они получали горячую пищу. Сопровождение арестантов осуществлялось чинами конвойной стражи. В 1910 г. функционировало 537 таких команд, в том числе 19 – в Сибири [4, с. 69–73].

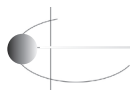
Как видим, система этапирования ссыльных через Сибирь складывалась постепенно. С 1720-х гг. в Сибирь отправляли участников дворцовых интриг и переворотов, стрельцов, казаков-бунтовщиков, крестьян, уголовных преступников, бродяг. В XVIII в. Московский тракт был разбит на этапы и полуэтапы, партии арестантов передвигались в сопровождении конвойной стражи. «Невольное путешествие» могло продолжаться более года и являлось тяжёлым испытанием для ссыльного. В начале XX в., с установлением сквозного движения по Сибирской магистрали, условия этапирования значительно изменились, однако, большая часть проблем этого института: недостаток финансирования, неэффективность использования каторжного труда, несовершенство законодательной базы, – так и остались вплоть до марта 1917 года, что свидетельствовало о кризисе государственной власти и неспособности существовавшего строя к модернизации.

Источники

1. Давыдов Б. Б., Некрасов В. Ф., Сысоев Н. Г. Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Документы и материалы. М.: Экзамен, 2002. 576 с.
2. Краткая объяснительная записка к проекту министра юстиции о преобразовании каторги // Тюремный вестник. 1913. № 12.
3. Обзор Иркутской губернии за 1899 год. Иркутск: Губернская типография, 1900.
4. Отчёт по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 1. Объяснения. СПб., 1913.
5. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 5. М., 1987.
6. Свод законов Российской империи. Т. XIV. Свод учреждений и уставов о ссыльных. СПб., 1857.
7. Устав об этапах в сибирских губерниях. 22 июля 1822 г. // История Сибири XVI – начала XX вв.: сб. док. Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 2010.
8. Юферов В. Н. Материалы для тюремной статистики России. СПб., 1873. 262 с.

Список литературы

9. Анучин Е. Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь за 1827–1846 гг. СПб., 1873. 246 с.
10. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981.
11. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и др. его соч. Иркутск, 1979.
12. Забайкалье: краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891.
13. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. 568 с.

14. Катионов О. Н. Сибирский тракт. Историческая энциклопедия Сибири. М., 2009. Т. III.
15. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973.
16. Константинов А. В. Каторга и ссылка в XVII – начале XX вв. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. I. Общий очерк. 2-е изд. Новосибирск: Наука, 2002.
17. Краткий очерк истории Забайкалья от древних времён до 1762 года / сост. В. К. Андриевич. СПб.: Военная типография, 1887.
18. Кузовников. К истории ссылки в Сибирь // Тюремный вестник. 1898. № 2.
19. Ссылка в Сибирь: очерк её истории и современного положения. Для Высочайше учреждённой комиссии по отмене ссылки. СПб., 1900. 389 с.
20. Тюремное дело в России: Лекция, прочитанная 18 февраля 1898 года лицеистом XXXIII курса А.П. Саломоном воспитанникам императорского Александровского лицея перед посещением ими Санкт-Петербургских мест заключения. СПб., 1898.
21. Фельдштейн Григорий. Ссылка. Очерки её генезиса, значения, истории и современного состояния. М., 1893.

Istochniki

1. Davydov B. B., Nekrasov V. F., Sysoev N. G. Vnutrennyaya i konvoynaya strazha Rossii 1811–1917. Dokumenty i materialy. M.: Ekzamen, 2002. 576 s.
2. Kratkaya ob»yasnitel'naya zapiska k projektu ministra yustitsii o preobrazovanii katorgi // Tyuremnyi vestnik. 1913. № 12.
3. Obzor Irkutskoi gubernii za 1899 god. Irkutsk: Gubernskaya tipografiya, 1900.
4. Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1911 god. Ch. 1. Ob»yasneniya. SPb., 1913.
5. Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh–KhKh vekov: v 9 t. T. 5. M., 1987.
6. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. T. XIV. Svod uchrezhdenii i ustavov o ssyl'nykh. SPb., 1857.
7. Ustav ob etapakh v sibirskikh guberniyakh. 22 iyulya 1822 g. // Istoriya Sibiri XVI – nachala KhKh vv.: sb. dok. Kemerovo: Kemerovskii gosuniversitet, 2010.
8. Yuferov V. N. Materialy dlya tyuremnoi statistiki Rossii. SPb., 1873. 262 s.

References

9. Anuchin E. N. Issledovanie o protsente soslannykh v Sibir' za 1827–1846 gg. SPb., 1873. 246 s.
10. Bykonya G. F. Zaselenie russkimi Prieniseiskogo kraia v XVIII v. Novosibirsk: Nauka, 1981.
11. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i dr. ego soch. Irkutsk, 1979.
12. Zabaikal'e: kratkii istoricheskii, geograficheskii i statisticheskii ocherk Zabaikal'skoi oblasti. Irkutsk, 1891.
13. Kationov O. N. Moskovsko-Sibirskii trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv. Novosibirsk, 2004. 568 s.
14. Kationov O. N. Sibirskii trakt. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. M., 2009. T. III.
15. Kolesnikov A. D. Russkoe naselenie Zapadnoi Sibiri v XVIII – nachale XIX vv. Omsk, 1973.
16. Konstantinov A. V. Katorga i ssylka v XVII – nachale KhKh vv. // Entsiklopediya Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast'. T. I. Obshchii ocherk. 2-e izd. Novosibirsk: Nauka, 2002.
17. Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya ot drevnikh vremen do 1762 goda / sost. V. K. Andrievich. SPb.: Voennaya tipografiya, 1887.
18. Kuzovnikov. K istorii ssylki v Sibir' // Tyuremnyi vestnik. 1898. № 2.
19. Ssylka v Sibir': ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya. Dlya Vysochaishe uchrezhdennoi komissii po otmene ssylki. SPb., 1900. 389 s.
20. Tyuremnoe delo v Rossii: Lektsiya, pročitannaya 18 fevralya 1898 goda litseistom XXXIII kursa A.P. Salomonom vospitannikam imperatorskogo Aleksandrovskogo litseya pered poseshcheniem imi Sankt-Peterburgskikh mest zaklyucheniya. SPb., 1898.
21. Fel'dshtein Grigorii. Ssylka. Ocherki ee genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya. M., 1893.

Статья поступила в редакцию 10.03.2014